

Кодиров К.

**МИР САЙИД АЛИ ХАМАДАНЫН ИРФАНДЫК ПОЭЗИЯСЫНЫН
ОЙЛОР БУЛАГЫ**

Кодиров К.

**ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ИРФАНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
МИР САЙИДА АЛИ ХАМАДАНИ**

К. Kodirov

**THE IDEOLOGICAL ORIGINS OF IRFAN POETRY OF MIR
SAYID ALI HAMADANI**

УДК: 882.3.441.08.

В статье рассматриваются социальные предпосылки, теоретические условия и идейные истоки формирования ирфанической поэзии Мир Сайида Али Хамадани. Подчеркивается, что несомненные истоки ирфанической поэзии Мир Сайида Али Хамадани являются неоплатонизм и теомистические рассуждения таджикско-персидских ирфанических воззрений.

Ключевые слова: Мир Сайида Али Хамадани, ирфан, поэзия, боголюбия, газель, воля, стремления, просветления.

The article considers the social prerequisites, theoretical conditions and ideological origins of the formation of Irfanic poetry by Mir Sayyid Ali Hamadani. It is emphasized that the unquestionable sources of the Irfanic poetry of Mir Sayyid Ali Hamadani is Neoplatonism and the theomical reasoning of the Tajik-Persian elfan views.

Key words: Mir Sayyid Ali Hamadani, Irfan, poetry, God-loving, gazelle, will, aspirations, enlightenment.

Истоки ирфанической поэзии прослеживаются в арийских традициях, а затем и её несомненные корни. Зороастризм является своеобразным истоком и почвой ирфанической поэзии. А в эпоху ахеменидской державы эти корни контаминировались с индийским ирфаном. В правлении же сасанидского государя Хосрова Ануширвана это индоиранская контаминация попала под влияние неоплатонистов. Тесные контакты сасанидского государства с христианством не могли не наложить свой отпечаток на судьбах персоязычного ирфана. С точки зрения христианского теогнозиса аскетизм или самоотвержение, иначе говоря, способ интенсификации деятельности по пути боголюбия и богоискательства придает человеку новые силы, озаряет его и его путь к Богу.

Таким образом, созидательный ирфан, контаминация «حكمة العشراق» («Мудрость ишракии») и философия «وحدت وجود» («единства сущего»), возникли на основе зороастрийского воззрения из арийских корней и на своём многовековом эволюционном пути впитали различные концепционные элементы из других встречных культур и воззрений, получив название «حكمة العشراق» («Мудрость ишракии») или «фалсафаи нур». Иногда это теогностическое воззрение упоминается и под названием «حكمة المشركين» («Мудрость многобожников»), но во всех случаях сущность выражения создает понятие свет или сияние. С возникновением ислама персоязычный ирфан примкнул к исламу и в новой теологической обстановке создал воззренческое и организационное положения. Тем не менее ирфан не является какой-то религиозной партией или организацией. Ирфан скорее всего можно считать своеобразным аскетическим воззрением. 'Ариф придерживается убеждению, что Истина является абсолютном на небесах и тот, кто «влюблён» в неё в конце концов растворяется в ней. Но к этому ведет путь, на котором этот «влюблённый» отвергает все блага материального мира и целиком посвящает себя жизни богоискательства [6, с. 114].

Хасан Басри, автор книги «الرعيه حقوق الله» («Соблюдение прав Аллаха»), является первым 'арифом, описавшим ирфаническую и богоискательскую жизнь, а последующие поколения суфиев разложили её по ступеням – в начале покаяние, а затем целый ряд других, которые осуществляются иерархически последовательно (2, 101).

Абу Йазид Бистами в ирфане выступал под девизом «فنا فى الله», а далее соединение с Богом. До четвертого колена он известен как Тайфур ибн Иса ибн Адам ибн Сурушан и с почетным прозвищем Султан ал-арифин. Ему принадлежит высказывание: «'Арифа ничто иное, кроме встречи с возлюбленным, не радует». Он мыслил лишь одной любовью, любовью к Творцу. При этом его любовь имеет оттенок лицемерия, а не любовной страсти. Во всяком случае, его духовное состояние определялось ирфаническим состоянием – «سكرى» («духовное опьянение»). Именно отсюда и происходило ирфаническое течение «тайфурия». По рассказу Хаджвири, он отдавал предпочтение «سكر» над заблуждением (8, 201). Но чтобы ни было им сказано, «блуждения» Абу Йазид Бистами

придают его слову особый колорит. Это обстоятельство ярко отражено в житийной литературе суфийства, особенно в «*مثنوی معنوی*» («Стихи, обращенные к внутренней сути вещей») Джалал ид-дина Руми.

Зу-н-Нун ал-Мисри первый из суфийствующих поэтов ввел в ирфаническую поэзию терминологическую символику. Вслед за ним суфийская символика начинает свою нормативную жизнь в ирфанической поэзии, особенно, газели.

Сам Зу-н-Нун ал-Мисри был из крупнейших авторитетов ирфана и творцом течения «маломатийа». Ему приписывается много откровений и крылатых высказываний. В самоуничтожении и богоискательстве Зу-н-Нун ал-Мисри не знал себе равных. В частности, ему принадлежит наставление: «О мои последователи, ученых встречайте старанием, скрывая от них свои тайны, аскетов – страстью, дабы, видя вашу страстность, учили вас богослужению, а людей ирфана – молчанием, ибо вести речи в присутствии ‘арифа неприлично» (7, 12).

Сухайл ибн Абдаллах Тустари положил основу ирфанической поэзии. Он был последователем ханафитского мазхаба и учеником шейха Зу-н Нуна Мисри, а также основателем ордена «сухайлийа», ведущей идеей которого является «умертвление плоти».

Одним из первых мучеников ирфана является Хусейн ибн Мансур Халладж, об обстоятельстве казни которого Мухаммад Парса в книге «*فضل الخطاب*» («Достоинство речи») пишет: «То, что произошло с ним, произошло от силы влечения и любовного экстаза, а также от того, что он не скрывал своё состояние. А любовный экстаз то, что расположение достигает наивысшего состояния и влюблённый начинает гореть в огне любви, не чувствуя то, что происходит с ним, и в его воображении существует лишь одна возлюбленная; в двух мирах не видит и не знает никого кроме неё. Когда влюблённый находится в таком состоянии, все, что мерещится ему, он относит к нехватке возлюбленной» (7, 18).

Самым блестящим среди ‘арифов был Абу Сайид Абу-л-Хайр. Он являлся главой всех идущих по суфийскому пути и вождем всех ищущих истину. От него остались ирфанические стихи, например:

در عشق تو بی جسم همی باید زیست جسم همه اشک گشت و چشم بگریست
چون من همه معشوق شدم عاشق کیست از من اثری نماند این عشق ز چی

(Все мое тело превратилось в любовь и глаза заплакали,

В твоей любви без глаз приходится жить.

От меня не осталось ни следа, откуда эта любовь.

Коль я весь превратился в возлюбленную, кто же влюблённый?) (5, 129).

Баха уд-дин Накшбанд – знаменитый ‘ариф и автор трактата «*بهاریه*» («Касыда о весне») Структуру «*طریقت*» (путь духовного усовершенствования) он внешне относил к людям, а внутренне – к Господу, поэтому советует:

از درون شو آشنا و از برون بیگانه باش،
اینچنین زیبارویش کم می بود اندر جهان.

(Внутренне сближайся, со внешностью будь чужд,

Таких, у кого чудесное поведение, мало на свете) (7, 46).

Абдаллах Ансари является одним из основоположников ирфанической поэзии. В его поэзии много крылатых выражений и действенных молитв. Например:

عیب است بزرگ بر کشیدن خود را،
از جمله خلق بر گزیدن خود را .
از مردمک دیده بیاید آموخت،
دیدن همه کس را و ندیدن خود را.

(Непрелично великим представить самого себя,

Из всех людей избранным выставлять самого себя.

У зрачка глаза следует учиться,

Замечать всех и не замечать самого себя) (1, 201).

Великим поэтом суфийско–ирфанической ориентации был Санайи Газневи, мысли и высказывания которого занимают важное место в «*مثنوی معنوی*» («Стихи, обращенные к внутренней сути вещей») Джалал ид-дина Руми. Последний совершил неизмеримо большое дело в популяризации творческих мыслей Санайи. Кстати заметить, что Санайи является первым поэтом, официально и практически внедрившим ирфан в поэзию. Аттар, в свою очередь, развил начатые Санайи ирфанические тенденции, которые Джалал ид-дин Руми поднял до

апогея. Поэтому огромное влияние поэзии Санайи на мировоззрение Джалал ид-дина Руми не подлежит сомнению.

Санайи в маснави «سير العباد على معاد» («Странствие рабов [божьих] к месту возврата») под путеводством разума пропутешествует по стоянкам человеческого и небесного царств. Важнейшим творением Санайи в ирфанической поэзии является учебное произведение «حديق الحقايق» («Сад истин»), которое признано энциклопедией ирфана и создано из контаминации преданий, притч и новелл ирфанического содержания.

К числу шедевров ирфанической поэзии относится «منطق الطير» («Язык птиц») Аттара Нишапури, которое оказало большое влияние на «هفت وادی» («Семь долин») Мир Сайида Али Хамадани. Мир Сайид Али Хамадани в своем произведении заимствует семеричное положение «منطق الطير» («Языка птиц») Аттара, основанное на суфийском «тарикате» (путь духовного усовершенствования). Об Аттаре Джадад-ид-дин Руми отзывается в таких выражениях:

هفت شهر عشق را عطار گشت ما هنوز اندر خم یک کوچه ایم

(Семь городов любви прошел Аттар,
А мы все ещё на изгибе одной улицы) (3, 109).

В этом бейте под понятием «семь городов любви» Джалал ид-дин Руми подразумевает «منطق الطير» («Язык птиц») Аттара.

Так же, как Санайи в «سير العباد على معاد» («Странствие рабов [божьих] к месту возврата») и «حديق الحقايق» («Сад истин»), «منطق الطير» («Язык птиц») создали аллегорическим языком и с использованием суфийско-ирфанической символики и терминов. «تذکره الاولیا» («Жития святых»), «مختار نامه» («Книга избрания»), «مثنوی نامه» («Книга мук»), «الهی نامه» («Божья книга») и месневи «Хусров и Гул» также посвящены ирфану и благодаря стилистической их простоте, признаны всеми суфиями и 'арифами.

В некоторых газелях Аттара любовь к Богу звучит весьма отчетливо:

چه سازم که پیش تو راهی ندارم کجایی که جز تو پناهی ندارم

(Что мне делать, у меня нет никакого доступа к тебе,
Где ты, у меня же кроме тебя нет никакой защиты?!)) (5, 130)

Известный труд Шихаб ид-дина Сухраварди «عوارف المعارف» («Дары просвещения»), который носит важное ирфаническое содержание, имеет глубокое влияние на ирфаническую поэзию Мир Сайида Али Хамадани. Об этом великом 'арифе даже гениальный Саади Ширази упоминает с искренним почтением:

مرا شیخ (پیر) دانای مرید (مرشد) شهاب دو اندرز فرمود بر روی آب
یکی اینکه در نفس (خود رای و) خودبین مباش دیگر آنکه در جمع (بر نفس) بدبین مباش

(Мне мудрый старец, ученик Шихаба,
Два наставления дал на плаву.
Во-первых, в душе не будь себя любцем,
Во-вторых, в общем не будь пессимистом) (5, 131).

Джалал ид-дин Руми внедрил свои газели и месневи ирфаническим содержанием и изобразил бесподобный до его поэзии путь самопросветления богоискателя.

Джалал ид-дин Руми нередко в своих газелях комментирует ирфанические выражения и понятия типа: «آتش» («Лисичка утащила курдючный жир, не иначе как лев дремал»), «روباحکه دمبه برد، شیر مگر خفته بود» («Открой дверь, иди, входи, без вас наслаждению не быть»), «بگشا در بیا درا مباد عیش بی شما» («Тот шатёр поставил на виселицу, а пьяные это осуждают»), «چون قضا گفت: «فلان به سفر خاخذ مُرد» («Когда предопределение сказало: такой-то в пути помрёт») и многие другие.

В общих чертах «مثنوی معنوی» («Стихи, обращенные к внутренней сути вещей») в её кажущейся внешней простоте является высочайшим образцом ирфанической поэзии, созданной на аллегии, метонимии, метафоре и сравнениях.

В одном из бейтов Джалал ид-дин Руми, в связи с Шамсом Тебризи касается ирфанического опьянения - сукр:

باده از ما مست شد نه ما از او قالب از ما هست شد نه ما از او

(Вино опьянело от нас, а не мы от него,
Форма появилась от нас, а не мы от неё) (8, 122).

В «مثنوی معنوی» («Стихи, обращенные к внутренней сути вещей») имеет место утверждение, что «совершенный человек» есть конечная цель сотворения и всё, что сотворено Творцом, сотворено ради него. Все формы и образы также имеют такое назначение:

نفس اول راند بر نفس دوم ماهی از سر گنده گردد نی ز دم

(Первую душу пустил на вторую душу,
Рыба начинает портиться с головы, а не с хвоста) (5, 139).

Шах Ньматуллах Вали является одним из великих представителей ирфана. Мир Сайиду Али Хамадани приходилось иметь личную встречу с ним. Шах Ньматуллах Вали после себя оставил много произведений в ирфанической поэзии. О своей встрече с этой великой личностью рассказывает известный поэт и проповедник того времени Шах Доии Ширази:

شدم به خطه کرمان و جانم آگه شد که مرشد دل من شاه نعمت الله شد
مرا اگر چه بسی نسبت است در راه فکر نخست جان و دلم سوی او موجه شد

(Я вступил на землю Кермона и просветлела моя душа,
Так как наставником моего сердца стал Шах Нематуллах.
Хотя у меня много общего на пути самолишения,
Впервые душа и сердце мои устремились к нему) (9, 50).

Абд ар-Рахман Джами является последним великим ирфаническим поэтом. Он является автором множества произведений. В ряду его трудов есть и комментарии к «فسوس الحكم» («Геммы мудрости») Ибн ал-Араби, «لمعات» («Проблески») Фахр ид-дина Ираки, «همرية ميميه» («Винная касыда») Ибн Фариза Мисри. Ему принадлежит также и дидактическая книга под названием «بهارستان» («Весенний сад»), написанная в подражание «گلستان» («Розовый сад») Саади.

Возникновение ирфанической поэзии вызвало к жизни множество поучительных художественных сказаний и легенд и не менее нравственно-дидактических житий и беллетристических сюжетов. Уже первые 'арифы, упоминаемые под обобщенным понятием «урафа», принялись совершать «духовные путешествия» и в качестве формы выражения своих размышлений признали свою ирфаническую поэзию. По выражению Джалал ид-дина Руми,

سير عارف هر زمان تا تخت شاه سير زاهد هر مهی بکروزه راه.
چه مجال باد یا برق ای پسر چون که او در راه حق بکشاد پر

(Путешествия 'арифа каждый миг до шахского трона,
Путешествие аскета каждый месяц - дневной переход.
Куда там ветру иль молнии, о отрок!
Потому, что он к Истине крылья распростёр) (4, 89).

Уже в XIII веке Мир Сайид Али Хамадани рассмотрел место ирфанической поэзии в таких поэтических жанровых формах, как газель, рубаи и китъа.

В ирфанической поэзии Мир Сайида Али Хамадани целью поэта является достижение божественного сияния – «духовного просветления» в плане «единения с Богом». Для осуществления этого ирфанического положения пишет трактат «اسرار النقطه یا توحيد عرفانی» («Тайны точки или ирфаническое единство»), где «ирфанический тавхид» изложен очень четко.

Ирфаническая поэзия Мир Сайида Али Хамадани самым автором воспринимается как «علم اليقين» - применение рассудка и доказательства в постижении истины и эманации в эту истину. Мир Сайид Али Хамадани совершенство человека видит в соединении со своим началом, для чего необходимо пройти ряд стоянок, расстояний и ступеней тариката, которые он называет «сайру сулук». Эти этапы и состояние движения «странствующего» подробно описываются в маснави «هفت وادی» («Семь долин»).

Главной целью Мир Сайида Али Хамадани в его ирфанической поэзии является манифестация любви к Абсолюту. Ничего иного кроме Бога он не объясняет. Каждая газель, каждое четверостишие, каждая китъа, вышедшие из под пера Мир Сайида Али Хамадани, созданы во имя Бога и только во имя Бога. Если он в своей ирфанической поэзии просит благ, милости и щедрости, то только у Бога, и ни у кого-либо другого.

В ирфанической поэзии Мир Сайида Али Хамадани, как и у других 'арифов, в тарикате первым элементом является воля («اراده»), которая играет роль своего рода катализатора, пробуждая человека к поиску божественного сияния.

Литература:

1. Абдулла Ансари. مجمع الرسائل («Собрание трактатов»). – Тегеран. 1352 ш. (на перс. яз.)
2. Абдульусайн Зарринкуб. پله پله تا ملاقات با خدا («Ступеньки до встречи с Богом»). – Тегеран. 1373 ш. (на перс. яз.)
3. ديوان عطار («Сборник стихов Атгара»). – Тегеран. 1319 ш. (на перс. яз.)
4. کلیات دیوان شمس تبریزی («Сборник стихов Шамса Табреза»). Т. 1. – Тегеран. 1374 ш. (на перс. яз.)
5. Муртаза Мутаххари. نهضت های اسلامی در صد سال آخر («Возраждение ислама за последние сто лет»). – Тегеран. 1371 ш. (на перс. яз.)
6. Муртаза Мутаххари. بیست گفتار («Двадцать бесед»). – Тегеран. 1341 ш. (на перс. яз.)
8. آموزش حدیث («Изучение дел пророка Мухаммада (с) и его сподвижников»). – Душанбе: Нумо. 2005. (на тадж. яз.)
9. جلال الدین رومی دیوان کبیر («Джалалиддин Руми», «Высокочтимый сборник стихов»). Т. 1. – Душанбе: Ирфон. 1992. (на тадж. яз.)
10. Шахабуддин Сухраварди. مجمع سیوم مصنفات («Итоги третьего сочинителя»). – Тегеран. 1394 ш. (на перс. яз.)

Рецензент: д.филол.н., профессор Муродов Х.Г.
